

торая из-за «необузданной демократии» стала жертв-^{257}вой восстания и раздоров между гражданами. Метохит не сомневается в том, что этот город именно «вследствие отвратительной демократии, безрассудного, безграничного и ненужного себялюбия и вольности всех находится в плохом состоянии, а вследствие присущей каждому из ее жителей страстности, властолюбия и разнузданного соперничества, а также незнания и отсутствия страха перед законными установлениями, направленными на общую пользу, и общественные дела находятся в высшей степени затруднительном положении» (Ibid. Col. 616—618).

Поскольку при такой форме правления, как аристократия, по мнению Метохита, проявляется естественная тенденция к перерождению власти аристократии в олигархию (Ibid. Col. 618—629), постольку единственно оправданной и желаемой из всех форм государственного устройства является монархия, при которой правитель осуществляет власть сообразно закону, неподотчетно, стараясь по-отечески заботиться о подданных (Ibid. Col. 618—625). Единоначалие позволяет произвести правильную, подчиненную единому принципу расстановку сил, привлечь к управлению наиболее одаренных людей. Благодаря единству принципа управления, воплощенного в воле государя, нестройный концерт становится всеобщей гармонией, симфонией, хорошо настроенной политией (Ibid. Col. 634—635). В государственном организме монарх олицетворяет разум, который способствует общей гармонии общества, он — судья, арбитр, который оценивает все поступки граждан и воздает им должное¹¹. В рисуемом Метохитом образе монарха наблюдается постепенное ослабление иератического ореола и появление личных, индивидуальных черт¹².

Как и Феодор Метохит, Димитрий Кидонис видел общественную гармонию лишь в монархической форме правления, в условиях которой единовластный правитель только и может стать источником счастья для подданных (PG. T. 154. Col. 1188C—1189A).

Что же касается такого яркого представителя византийской гуманистической мысли, как Мануил Мосхопул, ученик Максима Плануда и автор работ по классической филологии, то его воззрения на природу императорской власти привели его к интереснейшей государственно-правовой теории (в известной мере предвосхищавшей covenant Гоббса), которую он развивает в небольшом трактате «О присяге»¹³. Исходным пунктом этой теории послужила, очевидно, «Полития» Платона (особенно отрывок 369 и сл.). Согласно Мосхопулу, совместная жизнь людей, их *συνοικία*, была обусловлена неспособностью человека в одиночку справиться со всеми многообразными задачами, которые ставит жизнь. Находясь в зависимости друг от друга, люди добровольно объединялись, чтобы каждый мог извлекать пользу из знаний другого. Но этому объединению постоянно угрожают раздоры и соперничество, поэтому требуется особый орган, ^{258} своего рода третейская инстанция — *κριτή;ς*. При этом здесь возможна альтернатив-

Файл byz3_259.jpg

Григорий Палама. Икона XIV в. Москва, ГМИИ {259}

ва необходимо или облечь функциями этого органа многих и, стало быть, ввести аристократию (которая, правда, определяется не знатностью происхождения, а личными достоинствами), или поручить эту роль одному человеку, т. е. монарху. Мосхопул, естественно, предпочитает монархию, ибо в противном случае неизбежны споры и соперничество. Самое важное состоит в том, что у него нет уже речи о призвании государя свыше в качестве божьего дара. Более того, личность государя у Мосхопула вообще отделена от идеи государства как такового, которое он в соответствии с византийским словоупотреблением называет *κοινόν*. Разумеется, монарх, выполняя функции третейской инстанции, вправе требовать присяги на верность, так как те полномочия, которыми он наделен, ставят перед ним задачу справиться как с внешними трудностями, так и с мятежами и восстаниями внутри страны (вполне современное понимание основ-

¹¹ Pertusi A. Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 44—47.

¹² Beck H.-G. Theodoros Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 87.

¹³ Levi L. Cinque tettere inedite di Emmanuele Moscopulo // Studi Italiani di Filologia Classica. 1902. Vol. 10. P. 64—68; Svoronos N. G. Le sermait de fidelité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle // REB. 1951. T. 9. P. 106—142; Beck H.-G. Res Publica Romana; Von Staatsdenken der Byzantiner // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975. S. 391 ff.